

РАЗГОВОР
СО СМЕРТЬЮ. Ч1

Рассказ

Мария Гламазда

16+

Мария Гламазда

Разговор со смертью. Ч1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63987992

SelfPub; 2021

Аннотация

Смерть. Я всегда боялась ее. Пряталась, отказывалась принимать и верить, что когда-нибудь столкнусь с ней. И вот, 9 февраля 2003 года она вошла ко мне в комнату, уселась на мою кровать и позвонила протяжным противным гудком телефона.

Мария Гламазда

Разговор со смертью. Ч1

Страх смерти. Всегда был со мной. С самого раннего детства. А может и раньше, ведь откуда ему взяться в детстве? Я впадала в ступор при виде этой картины – цветы, венки и красные гробы.

Если я шла со школы и по дороге лежали гвоздики (раньше людей провожали до места захоронения именно так), то еще пару часов, придя домой, я просто сидела в ступоре.

Мама не пускала меня даже к окну, когда во дворе с кем-то прощались.

Я не принимала смерть. Вообще. Помню утром, на даче, проснувшись и выйдя из дома, я увидела воробушка. Возможно, он выпал, или разбился о стекло, не знаю. Я схватила его и побежала в дом. В доме была интересная старая книга о целебных травах. Я почему-то запомнила (может из-за названия), что тысячелетник обязательно должен помочь малышу. Укутав пернатого в платочек, я побежала за калитку – я знала, как выглядит эта трава и где она растет. Заварив в чашке, взяв пипетку, я стала в клювик капать ему этот отвар. Переживала. И капала. И плакала. Воробушек не оживал. Он был как тряпочка – мягкий. Зашла мама. Она была в шоке, постаралась мне объяснить, что его не спасти и его нужно закопать. Я закопала, прям в платочке. Оставшийся день и

ночь были ужасными. В мыслях о нем. Под утро я решила, что я не все сделала для его спасения и его нужно откапать.

Вот тогда я впервые своими глазами увидела, что происходит с физическим существом после смерти. Это был шок.

Я стала еще больше бояться смерти. Любая новость о чей-то кончине была для меня, как удар обухом по голове, в голове возникала картина плоти, поедаемой червями.

Однажды мама зимой упала и ударилась головой затылком. Очень сильно. Очень. Она долго лежала и мы боялись. Мы очень боялись. Когда мама лежала, бледная, я просто умирала от внутренней боли. Я не могла себе представить, как я вообще могу жить без мамы. Я знала, что я сделаю, если что-то страшное случится с мамой. Это ужасно, правда, но это так. Из телевизора я знала, что воздух в вену решит этот вопрос. Точка.

Это был страх, который я закопала. Закрыла тысячью темными одеялами, закрыла в самый дальний из всех возможных погребов сознания.

Но он постучался. 9 февраля 2003 года он зашел ко мне в комнату, влепил мне ледяную пощечину и с вызовом смотрел мне в глаза.

– Маша, а Эля у тебя? – дрожащим голосом спросила младшая сестренка моей лучшей подруги. Что уж там, мы называли друг друга сестрами и чувствовали небывалое единение душ. Тогда, 9 февраля, в воскресенье, мы должны были провести весь день вместе. Она звонила накануне и пред-

лагала пойти гулять. А я уже пообещала знакомому, что поеду к нему в гости. Там приехала вся семья, какие-то дети, племянники и почему-то все очень хотели меня видеть. Хотя, положив руку на сердце, не были мне они настолько близки, и ехать нужно было на другой конец города, но... как говорится «судьба».

Последующие лет двенадцать я винила себя в том, что не бросила всю эту затею и не пошла с ней. Не спасла. Ведь если бы она была со мной, она бы не села в ту машину, не встречалась бы с той компанией. А возможно, встреча с этой семьей увела меня от той роковой аварии. Теперь я знаю, что все случается не случайно и все, что случилось именно так – неспроста.

Знаете, есть такие люди, с природной харизмой и невероятной энергетикой. Они заходят в помещение и все оборачиваются, даже когда человек не произнес ни единого слова. Такой была Элька. Красивая, как ангел, с огромными грустными голубыми глазами, закрученными ресницами. С ней всегда было легко и весело. И даже когда было грустно, с ней было легко. Она умела разрядить самый ужасный накал, успокоить любого и договориться с кем угодно. Потому что у нее была идеальная харизма! Зуб даю, в нее были влюблены половина парней в школе и в Универсе!

– Маруська, надевай короткую юбку, сегодня будем гулять!

– У нас же тестирование на курсах, когда гулять?

– Ха, да мы сдадим его за 10 минут и уйдет!

Мы заходили на тестирование на курсах подготовки в институт, она на входе говорила: «спорим, мы сдадим за 10 минут!», мы сдавали за 10 минут (потому что учились на углубленной математике и курсы подготовки были для нас, как программа первого класса) и шли гулять в разлетающихся коротких юбках. Мы очень много учились и эти субботние курсы были единственным шансом погулять в центре, почувствовать весну и помечтать...

Мне еще нет восемнадцати и я впервые смотрю смерти в глаза... Вернее, я еще не смотрю, но знаю, что она уже здесь, рядом со мной и мне не удастся просто отсидеться дома и не подходить к окну.

– Маша, девочек хоронят в свадебных платьях. Мы будем в ее красивом, выпускном хоронить, но ты купи фату.

Фату... мне нужно купить фату. Я знаю только один магазин свадебных платьев. Мы ходили туда, вдвоем. Ну, мы же девочки, принцессы. Элька щебетала, что мы выйдем замуж чуть ли ни в один день. Платья купим здесь. Самые красивые. Мне вон то – я длинная и худая – самый раз, а ей другое, которое на манекене – пышное, как облако из сладкой ваты. Она любила наряжаться. Любила быть девочкой, любила укладывать волосы, любила попсу и любила любить.

– Курить умеешь?

– Конечно – я не могла сказать, что не умею, потому что я делала это два раза в своей жизни: впервые в двенадцать лет

дал попробовать папа. Показал, как затягиваться. Понятное дело, я была в шоке вообще от того, что очень строгий папа дает мне курить, да и вообще мне не хотелось, но потом все встало на свои места. Папа добавил после первой затяжки: «ну что, накурилась? Смотри, узнаю, что ты куришь – порву!»». Второй раз мы пробовали это с сестрой. Тоже не понравилось. Но с Элькой я не могла «ударить в грязь лицом» и с видом знатока закурила.

– Так ты ж не затягиваешься! Умеет она! Давай научу!

Мне было с ней классно. Я росла в семье с кучей запретов, я должна была быть всегда хорошей, всегда отличницей, всегда с чистыми мыслями и вообще! А с ней я могла быть собой и могла говорить то, что больше никому не могла.

За фатой на похороны я попросила Мишку, нашего друга, поехать со мной. Надо сказать, он очень сильно мне тогда морально помог, я бы просто не выдержала. Да что уж там – я говорить-то не могла. Когда заказывала венки в похоронном бюро, я просто сидела и рыдала. Женщина дала листочек, чтобы я написала надписи, потому что сказать голосом я их не могла, начинала говорить и падала на стол, захлебываясь и задыхаясь в слезах. И, кстати, да. Я впервые тогда встрети-лась с Элькиным отцом. Пока я рыдала, он зашел выбирать гроб. Хотелось кинуться на него и, вцепившись ногтями в шею, орать, что это они, они виноваты: родители, которым было плевать, которые жили своей жизнью, а она с сестрой жила с бабушкой, ее непонятные подруги, которые потащи-

ли ее в ту компанию, ее окружение, которое тянуло ее вниз... Они все были для меня виноваты, все они и я в их числе. Я смотрела на него со всей ненавистью, которая только может быть у человека семнадцати лет. Но он не знал меня, прошел мимо, выбирая: «мне не сильно дорогой, но и не самый уж дешевый, вот этот давайте, ага, скромный». Сволочь! Это – дочь твоя! Дочь! Я так и не смогла сказать ему ни слова...

Так вот фата – фата была испытанием. Я сделала усилие и зашла в магазин. Свадебный салон – это место праздника. Сюда приходят юные влюбленные барышни, уверенные в то, что встретили любовь всей своей жизни и счастливые до безумия.

– Мне фату, вот эту...

– Фату и все? А под какое платье? Давайте примерим, вот еще есть, смотрите какие, длинные, кружевные.

И меня опять накрывает. Мы сидим минут тридцать в коридоре, я опять задыхаюсь в слезах, а Мишка сидит рядом и просто держит меня за руку. Мне кажется, тогда он увидел женских слез больше, чем за всю прошедшую и будущую жизнь.

Я не смогла подойти к НЕЙ, когда прощались у подъезда. Я не могла и шагу сделать в ЕЁ сторону. Мама вручила мне пузырек корвалола, который я выпила наполовину, как алкоголик, не запивая. Три дня до похорон прошли для меня, как месяц. Я постоянно что-то делала, ездила, выполняла просьбы Элиной бабушки, но так и не принимала до кон-

да происходящее. Этого просто не могло быть. Все, кто знал Эльвиру, даже те, кто был очень шапочно с ней знаком, знали – это настоящее Солнышко. Она заходила в помещение и освещала собой даже самую нагнетенную обстановку. Она не умела ненавидеть. Правда. Она вся была из любви и заботы. Я не помню ни единого плохого слова о ком-то от нее. У меня сохранились письма. Она писала мне. Когда я болела и не ходила в школу – она передавала мне письмо. Она писала мне, когда уезжала в область летом к родственникам. И знаете, в этих письмах только любовь, только поддержка, только теплота... У нас был блокнот в универе, где мы переписывались. На зачетах она писала мне, когда я отвечала преподавателю: «26.12.02. 11:10 Сейчас у нас зачет по матану. Моя зайка отвечает Сергеенко. Маруська, я с тобой! Ты все сдашь! У тебя такой серьезный вид, как всегда... ты только не волнуйся». Она первый человек, который сказал моему папе в лицо, что он слишком строг ко мне. Вот же папа удивился! Она всегда была за меня, всегда «горой», всегда от всего сердца.

На кладбище холод ужасный – февраль, ветер. Этот момент – последний. Я слышу бабушкины рыдания, где-то приглушенно, как будто уши заложены, и понимаю – мне нужно подойти, мне нужно в последний раз поцеловать ее и я больше никогда, никогда ее не увижу. Я помню каждый свой шаг. Как будто я вешу не 45 килограмм, а 45 тонн. Я не могу, не могу поверить, что там – она, я все жду, что все это

– какой-то страшный сон, который должен закончиться, но он почему-то никак не заканчивается. Фату надели. И платье ее, красивое, с выпускного. На выпускной мы были с ней, как принцессы – платья заказывали у одной портнихи, с корсетами, пышными юбками. Мы были такие взрослые, такие красивые и, нам казалось, такие свободные и впереди – столько счастья! Она лежит, прикрытая белой простыней. На шее платок – я знаю, ЧТО именно прикрывает платок и от этого ужас еще больше пронизывает меня до дрожи. Почему именно так? Почему именно такая страшная смерть?!

Я поцеловала, но этот холодный, идеально гладкий лоб, эта ледяная рука – нет, невозможно было поверить. И только когда закрыли гроб и стали опускать... Я вдруг осознала, что это не сон. Прошло восемнадцать лет, а я до сих пор помню цвет и вкус той земли – рыжая глина с кусками льда.

Я стала бояться смерти еще больше. Я даже это слово не могла произносить. Я не могла смотреть фильмы, где есть смерти. У меня перекрывалось горло, и я не могла дышать.

А потом смерть произошла внутри меня. И было еще много чего на пути понимания, что смерть не нужно бояться. Что у каждого свой Путь, и каждый день – он как новая жизнь. Однажды она, Смерть, мне приснилась. А это была не страшная старушка с косой, а очень достойная женщина с длинным мундштуком и в черном платье а-ля Шанель. Я хотела ей высказать, какая она ужасная, несправедливая, страшная ТВАРЬ.... Но смотрела на нее, и понимала, что это – не так.

Мы разговаривали глазами. Я высказала ей всю свою боль, свои претензии, за что она так со мной, почему отнимает самое ценное и дорогое. А она смотрела своими огромными спокойными синими глазами так спокойно и улыбалась, медленно затягивала сигарету и просто слушала.

Она спросила, верю ли я, что она может силой отобрать у меня что-то. Я молчала.

Она спросила, верю ли я, что люди, которые ушли, принадлежат мне, раз предъявляю ей эти претензии? Я молчала.

Она спросила, кто же принадлежит действительно мне. Я молчала.

Потому что никто. Потому что у меня есть только я. И вся эта, казалось бы, ужасная боль потери – это просто обида и жалость к себе. Обида, что у меня просто нет теперь того, что давал бы мне этот человек.

Она молча смотрела, слегка подпернув уголком гул. Потом вдохнула и исчезла.

Примечательно, что в прошлом году я приехала к Эльке и не нашла ее. Мы с сестрой ходили два с половиной часа по кладбищу. Я позвонила в архив, мне подтвердили сектор захоронения, но я не нашла ее... Мне кажется, я с десятков раз обошла каждую могилу в секторе, но ее не было.

Она как будто отпустила меня, как будто отвязала эту невидимую нить боли, которая держала меня все эти годы. Но осталась внутри. Не болью, слезами и горем, а Светом и теплом, благодарностью и любовью.